Н.В. Устина, А.К. Устин

Культурно-языковые аспекты интеркоммуникации

Приходя к рече- языковой конкретике, следует отметить, что синер- гетические положения возможно приложить к большому кругу филоло- гических фактов, т. е. , в нашем случае, к фактам художественной литера- туры на иностранных языках.

Так, на основании анализа большого количества рассказов немецкоязычных авторов мы вывели закон синтактико-смысловой динамики субстантивных повторов. В зависимости от структуры текста повторы данного типа ведут себя по-разному в тех ареалах, в которых они встречаются. Ввиду этого они могут быть сквозными, массированными, суверенными, общекомпозиционными или эпизодическими и зависимыми.

Первые организуют центральный план сюжетного действия, вторые – план общий, антуражный, обстоятельственный. Так кардинально контрастивно соотносятся между собой единый повествовательный фон со всем обилием его деталей и динамический мейнстрим сюжета.

Однако в художественном тексте существует и нечто более глубокое, *культурно-интимное*: то, что автор выражает не на вербальном уровне, а на уровне движения смыслов, актуализирующих фабулу. Последнее явно рассчитано на сообразительность читателя как реципиента художественного сообщения. В особо талантливых случаях оно достигает высот исторического мессиджа, культурного послания современникам и потомкам. Накал интеркультурного синергизма достигается в шедеврах вербальной культуры, когда автор коммуницирует с далекими поколениями, а эпоха говорит с эпохой.

В рассказе «Раненый Сократ» Б. Брехта, на одном из примеров которого выводилось наше разделение повторов на две основные группы (константы и переменные), культурно-языковой синергизм реализован выдающимся драматургом максимально выразительно. Синергетические интеркультурные переклички идей проходят через столетия и тысячелетия. Великий древнегреческий философ объявляет войну лживой общественной морали, в то время как Б.Брехт доводит ее до осознания современников XX в., желая повествованием о Сократе предупредить катаклизмы самого разрушительного столетия из всех предыдущих эпох. Несколько ранее правоту брехтовского тезиса о губительности лжи высказал наш соотечественник Б.Пастернак, заявив, что «мир тонет в фарисействе».

Напомним вкратце смысл анализируемого рассказа: Сократ отправился на войну с персами. Получилось так, что он своим ужасным криком испугал отряд персидских воинов, так что те в страхе бежали с поля боя. Однако его истошный крик был вызван не мужеством философа в солдатских доспехах, а криком боли от занозы, которую Сократ вогнал в ногу на только что сжатом поле. Но главный духовный подвиг Сократа состоял в том, что он мог бы скрыть от всех истинную причину одоления врага на поле битвы в тот день, так как отстал от своих и оказался в одиночестве, но не сделал этого, поскольку его душа в принципе противилась лжи. Не зря философскую деятельность Сократа трактуют как направленное на поворот древнего общества к христианскому монотеизму, к христианским заповедям, в числе которых выгравировано также и «Не лжесвидетельствуй!».

Именно таким образом может быть поставлена проблема синергетического взаимосоотнесения в одном художественном произведении смысловых и синтаксических категорий, равно как и языкового и культурного, культурного и мыслительного аспектов. По нашему убеждению, креативный мир текста стереоскопичен: в нем существуют глубина и поверхность, ментальная сфера и ее выражение, динамика культурной и синергетической эволюции в процессе продвижения рационализируемых смыслов и многое другое. В более узком языковом плане проявляются разные уровни повторяющихся когезивно-когерентных средств, завершающих конструкцию текста как единого синергетического монолита.

В познавательном, а не в дидактическом смысле свой актуализирующий поиск мы вели в противоположном направлении: от приземленных функций сугубо связующих повторяющихся средств языка до высших культурологических обобщений, до закономерностей культурогенного мышления, включающих непротиворечивые формулы ноосферного разума. Крайней точкой подобного безостановочного движения вверх по Культурогенной Вертикали на переходе от уровня замысла к уровню исполнения, как и всегда, становится язык, без которого не обойтись никак.

Однако это уже не язык примитивного интеркоммуникативного общения, который может быть заменен жестами, и при утере гуманистического лица коммуникантов будет ими когда-то действительно заменен, а в процессе эволюции оттолкнувшийся от этих примитивных жестов базисный Язык культуры – суверенный, моделирующий, основополагающий, в своей глубине владеющий переменными двух- или трехзначными кодами, оказавшимися недоступными для гегелевского типа ментального анализа. От движения одного-единственного знака

этой законодательной дейктической глубины рождаются, цветут и схлопываются, подобно мыльным пузырям, культурные миры и эпохи, на поверхности происходят опустошительные войны и революции.

Язык сапиентизирующей культуры поглотил в своей первозданной кристальной ясности, исходящей из такого же ясного природного первоисточника, все остальные когнитивные языки интеркультурной коммуникации эпифизического человеческого социума. Он завершил на глазах одного поколения переход от конструктивной культуры к деструктивной цивилизации, сделав рецидив варварства неотвратимым.

На определяющей культурогенной глубине, между тем, располагается незримый «эмиссионный банк» глубинных дейктических кодов, первым из которых выступает генетический код культуры, далее структура творческого акта, креативная строчка, текстообразующая серия, отличный от психо-биографического, вычитываемый непосредственно из текста «структурологический» замысел, контрастация и проч. – всего до двух десятков конкретных подструктур неопознанного типа. Именно они осуществляют суверенную кодификацию в интерьере и экстерьере культуры и управляют «мальстремом» культуротворческих трендов на осях внешних и внутренних многоканальных линий дейктической связи.

Указанные праформы, трафареты и лекала гуманитарной ментальности следует тщательно усвоить уже хотя бы потому, что именно по ним культура создавала себе семиогенетического наследника на завершающем отрезке своей многоэтапной, своей самоубийственной эволюции.

Конститутивная гуманитарная парадигма готова осветить нам путь в темный цивилизационный период тотальной «переоценки ценностей», проникнув в сферу поведенческой морали нового биологического вида хомо сапиенса, практикующего брутальные цивилизационные техники потребительства. Постигнув воплощенную им культурную глубину, страдательный (классический) человек уже знает коды и матрицы авторитарно-олигархического консьюмеризма.

Таким образом, культура есть тотальное синергийно-информационное образование, вышедшее из примарного ноосферного разума и порождающее вероятностные, синергетически обусловленные процессы кристаллизации человеческой ментальности на базе исходного гуманитарного знания, предшествующего экспериментам и технологиям точных и естествоведческих наук, равно как и аргументативным и ономасиологическим процессам последних.

При указанном уровне сложности отсутствует общественное муже- ство прозреть культуру «до дна» – под поверхностными слоями ее линг- воинформационной презентации. Тотализирующий принцип способен обнажить ее «золотое сечение».

Библиографический список

1. Устина Н.В. Анализ рассказа Б. Брехта "Der verwundete Sokrates" под углом зрения синергетики // Университетские чтения – 2008. Материалы научно-методических чтений ПГЛУ. Часть IV. Пятигорск: ПГЛУ, 2008. 235 с.
2. Устина Н.В., Ефа Е. О возможных планах анализа художественного текста. Структуры и смыслы рассказа Б. Брехта "Der verwundete Sokrates" // Молодая наука – 2008. Материалы региональной межвузовской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Часть IV. Пятигорск: ПГЛУ, 2008. 181 с.
3. Устина Н.В., Устин А.К. Целостная структура художественного текста как объект синтактико-смыслового моделирования // Университетские чтения – 2009. Материалы научно- методических чтений ПГЛУ. Часть IV. Пятигорск: ПГЛУ, 2009. С. 83-88.